

Влияние социокультурных факторов на финансовое развитие¹

Ю.А. ДАНИЛОВ, кандидат экономических наук. E-mail: ydanilov@rambler.ru.

ORCID: 0000-0002-0005-651X

Д.А. ПИВОВАРОВ. E-mail: pivodanil@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6613-5050

Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, Москва

Аннотация. В работе оценивается степень воздействия ряда социокультурных факторов, основу которых составляют переменные Хофстеде, на финансовое развитие. Используя межстрановой анализ, авторы выявили три социокультурных параметра, которые имеют значимое влияние на Индекс финансового развития, использованный в качестве интегральной оценки национального финансового развития: индивидуализм, терпимость (допустимость) и долгосрочная ориентация. На основании полученных результатов сформулированы рекомендации по корректировке государственного влияния на социокультурные факторы в Российской Федерации. На наш взгляд, необходимо сохранять долгосрочную ориентацию как преимущество и преодолевать недостаточность терпимости и индивидуализма. Так как финансовое развитие способствует экономическому росту и преодолению неравенства, такая корректировка социокультурных параметров (в целом крайне инерционных) будет в долгосрочной перспективе положительно воздействовать и на параметры социально-экономического развития России.

Ключевые слова: финансовое развитие; социокультурные факторы; социально-экономическое развитие; переменные Хофстеде; финансовая структура; индивидуализм; терпимость; долгосрочная ориентация

Введение

Проблема оценки влияния социокультурных факторов лежит на пересечении двух относительно новых направлений исследований.

¹ Статья написана по материалам научно-исследовательских работ, выполненных в РАНХиГС в рамках государственного задания. Авторы благодарят сотрудников РАНХиГС, принимавших активное участие в обсуждении идеи исследования, а также участников организованного в РАНХиГС научного семинара, посвященного обсуждению результатов данной научно-исследовательской работы, особенно О. Г. Солнцева (ЦМАКП) и М. Е. Сухова (НИУ ВШЭ). Отдельная благодарность Е. Н. Никишиной (экономический факультет МГУ), оказавшей бесценную консультационную помощь в области исследований социокультурных факторов, а также анонимному рецензенту, замечания которого заставили нас дать в ряде моментов более основательные пояснения.

Первое из них – междисциплинарное по своей природе – предполагает активизацию учета фактора культуры в исследованиях экономической динамики. Новая институциональная теория предполагает, что существуют не только формальные, но и неформальные институты, к которым относятся такие конструкции, как культурный и социальный капитал [Аузан, Никишина, 2013]. После формирования в конце 1980-х годов концепции культурного капитала начались исследования влияния культуры на социально-экономическое развитие, оформившееся в конце 1990-х годов в самостоятельное направление исследований [Никишина, 2015], получившее название Cultural Economics, или «социокультурная экономика» [Аузан, 2017a]. Одним из наиболее заметных результатов исследований в этом направлении стал вывод о том, что социокультурные факторы могут оказывать исключительно сильное влияние на темпы экономического роста, создавая во многих случаях «эффект колеи», препятствующий выходу той или иной национальной экономики на существенно более высокую траекторию экономического развития [Аузан, 2017b].

Второе направление относится к совершенно другой области – исследованиям финансового развития, включая изучение воздействия тех или иных факторов на финансовый сектор, с одной стороны, и влияния финансового развития на социально-экономическое развитие – с другой. В рамках этого направления активнее всего велись исследования связей между финансовым и социально-экономическим развитием (finance-growth nexus) (подробнее см. [Данилов, 2019]), в то время как вопросы влияния на финансовый сектор детерминант финансового развития разрабатывались менее интенсивно.

Исторически среди концепций таких детерминант первыми возникли те, которые объясняют финансовое развитие одним главным фактором. Сначала (с конца 1990-х годов) в роли такого фактора виделась правовая система (концепция «право и финансы»), затем (с середины 2000-х) – характер функционирования политической системы (концепция «политическая система и финансы»), предопределяющий типаж национальной системы капитализма как либеральный капитализм, либо капитализм связей. Впоследствии появились концепции, ставившие во главу угла социокультурные и исторические факторы. Лидер

данного направления исследований в настоящее время – Луиджи Зингалес, который ранее, совместно с Рагхурамом Раджаном, уже выдвигал тезис о том, что главным фактором финансового развития является политическая система. Сейчас он также стоит на позиции наличия главного фактора финансового развития, но в качестве такового называет набор социокультурных установок [Zingales, 2015].

В настоящее время большинство концепций исходят из того, что на финансовое развитие воздействует целый комплекс факторов (детерминант). Их наборы различаются у разных исследователей, но группа социокультурных факторов, как правило, называется в числе большинства из них.

Однако при наличии множества исследований, в которых статистически значимыми назывались самые разные детерминанты финансового развития, следует отметить, что до сих пор еще не разработана модель, в которой финансовое развитие объяснялось бы влиянием более или менее широкого комплекса факторов. Поэтому пока сторонники группы концепций о наличии главного фактора, определяющего финансовое развитие, в плане прикладных результатов добились большего успеха, чем их оппоненты, несмотря на численный перевес последних. В настоящей статье мы неявно становимся на точку зрения наличия «главного фактора», задаваясь вопросом о том, какие социокультурные факторы в наибольшей степени влияют на финансовое развитие.

Отметим, что здесь мы разделяем современный взгляд на понятие финансового развития, которое сегодня подразумевает не только увеличение емкости финансового сектора, но и поступательное продвижение по ряду направлений (финансовая глубина, финансовая инклюзия, финансовая стабильность и эффективность финансовых рынков и финансовых институтов). В этом смысле финансовое развитие, безусловно, оказывает позитивное влияние на долгосрочный экономический рост и ряд других социально-экономических показателей. Поэтому исследование влияния факторов финансового развития на финансовый сектор не ограничивается рамками последнего, речь идет о влиянии этих факторов и на социально-экономическое развитие, и именно в этом направлении ведутся современные исследования, в том числе в России (см. например [Мамонов и др., 2018]).

Измерение социокультурных факторов

Строго говоря, научные исследования влияния культуры на экономику стали возможны только после появления количественных методов социокультурных измерений. Сегодня таких методик насчитывается несколько десятков [Никишина, 2015]. Мы в настоящей работе использовали переменные Хофстеде. Эта система метрик, предложенная голландским социологом (или, как он сам себя характеризует, социальным психологом) Гертом Хофстеде, сегодня является наиболее активно используемым комплексом оценочных индикаторов социального поведения различных наций [Hofstede, 2001].

Шесть переменных Хофстеде характеризуют базовые качества социальной психологии: дистанцированность от власти, склонность к индивидуализму, мужественность, избегание неопределенности, долгосрочность ориентиров и терпимость. Каждая из них представляет собой оценку на шкале между двумя крайними проявлениями того или иного качества: преклонение перед властью, или партнерские отношения между властью и обществом; индивидуализм или коллективизм и т.д. В совокупности получается комплексная картина особенностей неформальных норм поведения (ценностей, установок) той или иной общности людей (как правило, нации).

Социокультурные факторы в современных экономических исследованиях

Неформальные нормы поведения, по данным последних исследований, оказывают значительное влияние на экономическую динамику. По мнению А. А. Аузана, траектория роста в той или иной национальной экономике поддерживается культурой, то есть не формальными институтами, а ценностями, поведенческими установками. При описании причин сохранения большинством стран низкой долгосрочной экономической динамики он активно использует понятие «эффект “колен”» (path dependence problem), являющееся элементом «культурной экономики» [Аузан, 2017b].

Влияние культурных факторов на экономическое развитие впервые системно начали исследовать три итальянских экономиста – Луиджи Гуизо, Паола Сапиенца и Луиджи Зингалес. В их работах первой декады XXI века рассматривалось влияние религии на экономические отношения [Guiso et al., 2003], а также

влияние социального капитала на использование финансовых инструментов [Guiso et al., 2004]. В более поздней работе [Guiso et al., 2009] рассматривается культурное измерение доверия между странами (история конфликтов, а также религиозное, генетическое и соматическое сходство между гражданами этих стран). Авторы показали, что более низкое двустороннее доверие соответствует более низкому объему торговли между двумя странами, более низким портфельным и прямым инвестициям между ними.

Есть исследования, показывающие зависимость национальных экономик от тех или иных социокультурных параметров. Низкий уровень избегания неопределенностей способствует специализации на инновационной экономике (Китай, США). Сочетание высокого индивидуализма, достаточно высокой склонности к самореализации и долгосрочной ориентации способствует производству штучных, уникальных продуктов, но препятствует развитию массовых индустриальных производств (Россия) [Аузан, Никишина, 2013. С. 54].

В одной из работ [Braguinsky, Mityakov, 2015] показано, что более тесные связи с транснациональными корпорациями ведут к повышению прозрачности отчетности по заработной плате в частных российских компаниях. Эта работа демонстрирует важный эффект, который часто игнорируется в литературе по корпоративному развитию, а именно – положительное косвенное влияние на местные нормы развивающихся стран, которое может оказывать появление там иностранных корпораций.

Социокультурные факторы в исследованиях финансового развития

«Культурная» революция, захватившая исследования общеэкономических закономерностей, входит в сферу финансов только с начала XXI века. Фактор культуры в финансах может быть частично исследован на основе ранее наработанных в общеэкономических трудах идей и методов, но при этом финансовый сектор предоставляет гораздо больше возможностей для исследования влияния культурных факторов. Связано это с тем, что, помимо социального, существует корпоративное измерение культуры, а также взаимодействие между ними [Zingales, 2015].

Вопрос влияния религии на экономические отношения в целом и на финансовый сектор, в частности, весьма неоднозначен. Многие исследователи решали его прямо противоположным образом. Например, некоторые авторы [Stulz, Williamson, 2003] считают, что религиозные факторы наряду с культурными и национальными оказывают существенное влияние на финансовое развитие. Они, в частности, указывают, что католические и мусульманские страны отличаются наличием более сложных систем поддержания контроля власти, ограничения конкуренции и частных прав, что негативно влияет на их финансовое развитие.

Другие авторы [Beck et al., 2003], напротив, не находят надежной и последовательной связи между основной религией страны и финансовым развитием. Таким образом, существующие результаты о взаимосвязи между финансовым развитием и религией неоднозначны.

Забегая вперед, отметим, что мы также не обнаружили значимого влияния религии на параметры финансового развития, даже несмотря на тот очевидный факт, что после кризиса 2007–2008 гг. началось активное развитие исламских финансов.

В одной из работ [Pevzner et al., 2015] рассматривается влияние факторов культуры на инвестиционные решения на рынке капитала. Авторы анализируют влияние общественного доверия на восприятие объявлений о доходах. Объявления о корпоративных доходах с большей готовностью воспринимаются в странах с более высоким уровнем доверия. Этот результат объясняет, почему один и тот же отчет о доходах может интерпретироваться по-разному во всех странах, приводя к различным инвестиционным решениям.

В многочисленных работах, преследующих цель определить более или менее широкий комплекс ключевых детерминант финансового развития, социокультурные факторы часто исключаются из рассмотрения по причине их инерционности. Если по показателям экономической динамики, инфляции, налоговой и долговой нагрузки, торговой и инвестиционной открытости, и даже по показателю доли сырья в экспорте существуют ряды с ежегодными показателями (и при этом большинство из них, используемые в качестве объясняющих, характеризуются высокой изменчивостью), то показатели социокультурных факторов

достаточно стабильны на протяжении десятилетий. Поэтому влияние социокультурных факторов на финансовое развитие приходится изучать отдельно, применяя иные инструменты анализа.

Относительный дефицит работ, исследующих комплексное влияние социокультурных факторов на финансовое развитие, частично компенсируется довольно многочисленными трудами, подтверждающими ключевое значение отдельных из этих факторов для формирования финансовой структуры. Так, значимость в этом процессе степени избегания неопределенности впервые была описана в работе Ч. Квока и С. Тадессе [Kwok, Tadesse, 2006]: чем выше в обществе степень избегания неопределенности, тем больше вероятность преобладания банковской системы по сравнению с другими финансовыми институтами, что, по мнению авторов, является доказательством тезиса о том, что национальная культура может быть важным детерминантом финансовой структуры страны. Аналогичный результат был получен в работе и других авторов [Beugelsdijk, Maseland, 2014]: чем выше уровень избегания неопределенности, тем большее значение в национальной финансовой системе имеют банки, и меньшее – финансовые рынки.

Итальянские экономисты [Guiso et al., 2004] исследовали взаимосвязь различий в человеческом капитале и уровне доверия и их влияние на финансовое развитие страны. Авторы обнаружили, что в областях Италии с высоким уровнем социального доверия домохозяйства предпочитают инвестировать в акции, нежели хранить деньги в наличной форме, чаще используют чеки, имеют больше доступа к институциональным кредитам и меньше пользуются услугами неформального кредитования. Они же показали, что эффект доверия сильнее проявляется в регионах с более слабой правовой системой и менее образованным населением.

Методика исследования и используемые данные

Для выявления влияния социокультурных факторов на финансовое развитие мы провели регрессионные исследования по нескольким наборам объясняющих переменных.

В качестве объясняющих переменных мы используем в основном метрики Хофстеде, взятые непосредственно с его

сайта² (их краткое обоснование и трактовка приводятся также в работе [Hofstede, 2011]):

1) PDI – Power Distance («Дистанция власти») – показывает восприятие власти в обществе (большая дистанция предполагает преклонение перед властью, почитание ее представителей, малая означает партнерские отношения между властью и обществом); характеризует степень неравенства распределения любой формы силы (например, политической, экономической, социальной, военной и пр.);

2) IDV – Individualism («Индивидуализм») – показывает, насколько люди в обществе независимы друг от друга, свободны от необходимости действовать совместно; переменная противопоставляет готовность действовать в одиночку, защищая свои интересы, коллективизму, в рамках культуры которого сильно ощущение «мы» и ориентация на защиту групповых целей;

3) MAS – Masculinity («Мужественность») – показывает, насколько развита конкуренция в обществе, или, иначе говоря, в какой степени люди предпочитают гнаться за внешним успехом, вместо того чтобы просто любить свою работу. Высокие значения данной переменной указывают на более жесткую конкуренцию, а низкие – на определенную «расслабленность». В данном показателе противопоставляются «мужские» национальные культуры, для которых характерны соперничество, уверенность в себе, целеустремленность, приверженность материальным ценностям, «женским» культурам, для которых свойственны высокая ценность взаимоотношений, культурных норм, забота о качестве жизни;

4) UAI – Uncertainty Avoidance («Избегание неопределенности») – характеризует восприятие незнакомых ситуаций и реагирование на них. Высокие значения показателя указывают на стремление к недопущению неясных ситуаций, к установлению формализованных правил поведения, следование сложившимся традициям, нетерпимость по отношению к иным жизненным установкам. Низкие значения показателя предполагают стремление к проявлению личной инициативы, приемлемость риска, терпимость к иным точкам зрения;

5) LTOWVS – Long-Term Orientation («Долгосрочная ориентация при принятии решений») – показывает, насколько люди

² URL: <http://www.geerthofstede.nl/>

в связи с принятием решений ориентируются на долгосрочные цели. Высокое значение данного параметра характеризует приверженность к принятию стратегических решений, низкое указывает на ориентацию на текущие цели и задачи;

6) IVR – Indulgence («Допустимость» или «Терпимость») – показывает, насколько люди контролируют свои импульсивные действия в принятии решений. Высокий показатель означает слабый контроль, допустимость относительно свободного удовлетворения желаний, связанных со стремлением к наслаждению жизнью и получением удовольствий, низкий указывает на наличие в обществе строгих норм, предполагающих контроль и регулирование удовлетворения социальных потребностей.

В дополнение к шестиразмерному комплексу метрик Хофстеде мы также использовали показатели доверия к банкам, взятые из World Values Survey³ (переменная V121 Confidence: Banks) и бинарные переменные, отражающие преобладание той или иной религии в стране.

В качестве зависимой переменной мы выбрали национальные показатели Индекса финансового развития (Financial Development Index – FDI), опирающегося на 20 показателей, оценивающих глубину, инклюзивность и эффективность финансового сектора (финансовых рынков и финансовых институтов). Обоснование данного подхода к оценке финансового развития содержится в работе группы сотрудников МВФ [Sahay et al., 2015], а методика расчетов – в работе К. Свиридзенки [Svirydzhenka, 2016].

Полученные результаты

Модель регрессионной зависимости FDI от всего набора объясняющих переменных: Хофстеде, доверия к банкам, господствующей религии – оказалась незначимой на 10%-м уровне. Также незначимыми оказались модели, в которых в дополнение к переменным Хофстеде использовались только переменные доверия к банкам, или только переменные господствующей религии. Одной из причин этого является различие размеров выборки – использование показателя доверия к банкам существенно ее снижало (с 244 до 144 значений).

³ URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>

При попытке построения регрессионной зависимости FDI от переменных религии и переменной доверия к банкам оказалось, что корректное регрессионное уравнение с их участием невозможно, поскольку в данном случае присутствует ошибка мультиколлинеарности (Near Singular Matrix Error).

Результаты же регрессионного анализа зависимости FDI от всех переменных Хофстеде оказались значимыми (табл. 1).

Таблица 1. Параметры регрессионной зависимости FDI от всех переменных Хофстеде за 2015 г.

Зависимая переменная: FDI.

Метод: Наименьших квадратов.

Количество наблюдений: 32.

Независимые переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
C	0,247	0,248	0,998	0,328
IDV	0,003	0,002	1,504	0,145
IVR	0,003	0,002	1,815	0,082
LTOWVS	0,004	0,002	2,175	0,039
MAS	0,000	0,002	0,002	0,998
PDI	-0,001	0,002	-0,549	0,588
UAI	-0,001	0,002	-0,670	0,509
R-квадрат	0,425	Стандартная ошибка		0,172
F-статистика	3,079	Вероятность (F-статистика)		0,021

При оценке модели использовалась выборка из 32 стран⁴, 20 из которых с высоким уровнем дохода на душу населения по классификации Всемирного банка и 12 – со средним уровнем дохода, поэтому результат следует относить только к этим группам стран. Полная статистика по низкодоходным странам отсутствует.

Как видно из таблицы 1, модель оказалась значима на 5%-м уровне. Вместе с моделью оказались значимыми переменная терпимости (IVR) на 10%-м уровне значимости с положительной связью и переменная долгосрочной ориентированности при принятии решений (LTOWVS) на 5%-м уровне с положительной связью.

На следующем шаге мы подвергли полученную модель дополнительной проверке качества регрессии. Регрессоры были

⁴ Аргентина, Австрия, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Венесуэла, Индия, Италия, Канада, Колумбия, Люксембург, Мальта, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Перу, Польша, Россия, Словакия, США, Таиланд, Турция, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швеция, Эстония, Южная Корея, Япония.

проверены на корреляцию, в результате чего выяснилось, что переменная PDI имеет высокую корреляцию с двумя другими переменными, поэтому было решено её удалить.

После удаления переменной значимость уравнения улучшилась, и теперь уже три переменные оказались положительно значимы (см. табл. 2).

Таблица 2. Параметры регрессионной зависимости FDI от 5 переменных Хофстеде в 2015 г.

Зависимая переменная: FDI.
Метод: Наименьших квадратов.
Количество наблюдений: 32.

Независимые переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
C	0,187	0,219	0,853	0,401
IDV	0,003	0,002	1,912	0,067
IVR	0,003	0,002	1,890	0,070
LTOWVS	0,004	0,002	2,247	0,033
MAS	0,000	0,002	0,010	0,993
UAI	-0,002	0,002	-0,981	0,336
R-квадрат	0,417992	Стандартная ошибка	0,170136	
F-статистика	3,734591	Вероятность (F-статистика)	0,011108	

В уравнении используются данные по тем же 32 странам. Данные по каждой переменной не следуют нормальному распределению, так же, как и ошибки регрессии не следуют нормальному процессу. Гетероскедастичность и серийная корреляция данных отсутствуют.

Малое количество наблюдений и отсутствие нормальности говорят о возможной смещенности оценок. Но эти недостатки построенной регрессионной модели неискоренимы из-за отсутствия временных рядов данных регрессоров. При этом сами регрессоры отражают относительно неизменные во времени характеристики (изменяющиеся крайне незначительно в течение длительных промежутков времени, что предопределяет несопоставимость их динамики с быстро изменяющимися параметрами финансовой системы). Это также представляется неисправимым фундаментальным обстоятельством.

Учитывая эти оговорки, которые свидетельствуют о недостаточно высокой надежности полученных данных, тем не менее отметим, что анализ влияния социокультурных факторов

на финансовое развитие привел к интересным и, на наш взгляд, вполне логичным результатам.

Переменная долгосрочной ориентации (LTOWVS) значима на 5%-м уровне с положительной связью – это означает, что чем более долгосрочные цели принято ставить в том или ином обществе, тем сильнее это проявляется в развитии финансового сектора. Нам представляется, это очень значимый результат, указывающий на то, что привычка ориентироваться на долгосрочные перспективы при принятии решений является одним из важнейших факторов, способствующих финансовому развитию. Такой стереотип социального поведения может быть признан ценным качеством нации, по крайней мере, в аспекте обеспечения финансового развития социально-экономической системы.

Значимость переменной IDV («Индивидуализм») с положительной связью на 10%-м уровне также представляется вполне логичной. Финансовое развитие непосредственно связано с удовлетворением потребностей отдельных индивидуумов, невозможно без эффективной защиты их интересов, но мало связано с реализацией интересов отдельных общественных групп (формирование которых, как правило, происходит совсем в иных конфигурациях, чем в рамках финансового сектора).

Значимость переменной допустимости, или терпимости (IVR) на 10%-м уровне с положительной связью, означает, что чем более свободны члены общества в принятии решений (что предполагает в том числе меньше формальных ограничений в проведении финансовых операций), тем выше уровень финансового развития. Такой вывод представляется весьма логичным – более высокая либеральность рынков способствует развитию финансового сектора.

В качестве отдельного интересного результата укажем, что нами не установлено значимого влияния степени избегания неопределенности (UAI) на финансовое развитие, притом, что, как показано в работах зарубежных коллег, данная характеристика оказывает влияние на финансовую структуру [Kwok, Tadesse, 2006] и [Beugelsdijk, Maseland, 2014]. По нашему мнению, это говорит о том, что финансовое развитие и финансовая структура – это два взаимодополняющих параметра, характеризующих состояние финансового сектора.

Таким образом, значимое влияние на финансовое развитие оказывают такие социокультурные качества национального поведения, как индивидуализм, терпимость, и особенно, – долгосрочная ориентация.

Стремление к индивидуализму по своей природе предполагает ориентацию на принятие рисков, что является обязательным условием обращения к финансовому сектору (покупки финансовых активов, обращения к финансовым организациям, потребления финансовых услуг), и оно же ориентирует финансовое регулирование на защиту частных интересов, что очень важно для финансового развития.

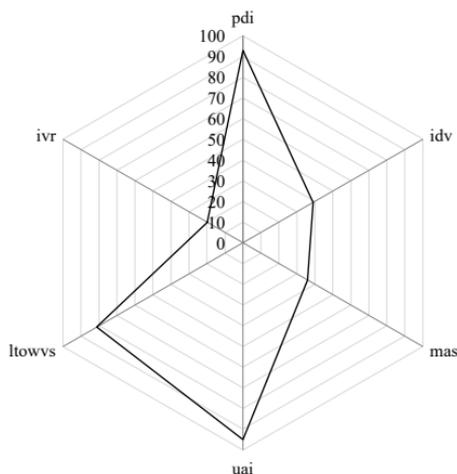
Терпимость позволяет предпочитать саморегулирование государственному регулированию и, соответственно, гибкие нормы жестким правилам, что положительно сказывается на инновациях, развитие которых исключительно важно для финансового сектора.

Значимое положительное влияние долгосрочной ориентации позволяет стратегически мыслящим нациям при принятии инвестиционных решений ориентироваться на долгосрочные цели, способствуя росту стабильности, формированию более крупного пенсионного национального капитала, а также в целом – повышению устойчивости финансовой структуры, обеспечивающей более поступательное наращивание финансовой глубины.

Выводы для России

В настоящей работе мы исследуем влияние социокультурных факторов прежде всего на финансовое развитие, но учитывая установленное положительное влияние последнего на экономический рост и некоторые другие параметры социально-экономического развития (в том числе, например, на сокращение бедности и неравенства) [Čihák et al., 2012], можно говорить, что в некоторой части мы изучаем влияние социокультурных факторов на национальное развитие в целом.

Из трех вышеназванных факторов, оказывающих положительное влияние на финансовое развитие, Россия имеет высокий показатель лишь по одному (долгосрочная ориентация), два других значимых, согласно нашему исследованию фактора, имеют в РФ весьма низкие значения, что отрицательно влияет на финансовое развитие (рисунок).

Источник. URL: <http://www.geerthofstede.nl/>

Значения показателей Хофстеде для России

Для улучшения влияния социокультурных характеристик на развитие нашей страны – как финансовое, так и социально-экономическое – необходимо корректирующее воздействие государственной политики, ориентированной как на сохранение «полезных» социокультурных характеристик, так и на улучшение тех параметров, которые тормозят развитие. Необходимость такого влияния со стороны государства не подвергается сомнению. Отмечая, что наблюдаемая в российском обществе высокая степень избегания неопределенности (UAI) препятствует инновациям, А. А. Аузан пишет, что «нам надо сначала поднять склонность к риску, к движению вперед» [Аузан, 2017а. С. 7].

Однако повторимся, социокультурные факторы отличаются чрезвычайной инерционностью. Существуют исследования, основанные на анализе сверхдолгосрочных трендов, показывающие, что заметные изменения неформальных институтов происходят в течение веков [Williamson, 2000]. Ускорение экономического развития привело к существенному сокращению этих сроков, но в любом случае для преодоления «эффекта колеи» требуется не менее 40 лет (при условии активного воздействия мерами государственных политик) [Аузан, 2017а. С. 10].

К сожалению, нынешние социокультурные тренды в России не вселяют оптимизма относительно возможности положительных

(с точки зрения влияния на финансовое и социально-экономическое развитие) изменений социокультурных факторов. Установка на борьбу с либеральной идеологией в терминах переменных Хофстеде означает стремление к снижению значений двух социокультурных параметров – индивидуализм и терпимость (допустимость). Если учесть, что еще один социокультурный фактор, подвергающийся давлению в связи с антилиберальной риторикой – дистанция власти – тесно связан с продвижением инноваций, (чем меньше дистанция власти, тем выше инновационность), следует признать, по крайней мере, нерациональность проводимой политики с точки зрения перспектив социально-экономического развития нашей страны.

Анализ реформ финансового сектора в странах-конкурентах России на глобальном финансовом рынке показывает, что существует набор «идеологических» препятствий, тормозящих эти реформы, в том числе в России [Данилов, 2016. С. 142–144]. Необходимо отдавать себе отчет в том, что сохранение таких препятствий снижает конкурентоспособность России на глобальном уровне, не давая никакой компенсации.

Мартин Вольф достаточно убедительно иллюстрирует широко известный тезис о том, что богатство страны (уровень ВВП на душу населения) положительно коррелирует с уровнем либерализма (измеренным композитным индексом либерализма) [Wolf, 2019]. Результаты нашего исследования также вполне соответствуют данному тезису, так как уровень финансового развития и уровень богатства тесно связаны – среди стран с высоким уровнем дохода нет ни одной с низким или средним уровнем финансового развития.

Поэтому, на наш взгляд, для улучшения долгосрочных перспектив финансового и социально-экономического развития необходимо скорректировать воздействие государства на социокультурные факторы. У России с этой точки зрения уже есть очевидное преимущество – высокий показатель долгосрочной ориентации⁵. Добавление к этому преимуществу

⁵ Среди развитых стран таким преимуществом обладают также Германия, страны Скандинавии и Япония; Китай, имея долгосрочную ориентацию, не сможет в ближайшей исторической перспективе «нарисовать» идеальную (для достижения глобального доминирования) конфигурацию переменных Хофстеде: этому мешают предельно высокий уровень дистанции власти и предельно низкий уровень индивидуализма.

улучшений по другим социокультурным параметрам, имеющим отношение к описанию либеральной повестки (индивидуализм и терпимость), может повысить уровень финансового развития России. В свою очередь, повышение уровня финансового развития означает и повышение потенциала экономического роста, и, учитывая влияние отдельных элементов финансового развития на неравенство [Čihák, Sahay, 2020], расширение инструментов преодоления неравенства доходов.

Литература

- Аузан А. А.* Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017а. № 2. С. 4–10.
- Аузан А. А.* Развитие и “колея” зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017б. Т. 61. № 10. С. 96–105. DOI: 10.20542/0131–2227–2017–61–10–96–105
- Аузан А. А., Никишина Е. Н.* Долгосрочная экономическая динамика: Роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 48–57.
- Данилов Ю. А.* Опыт реформ финансовых рынков в странах – конкурентах России на глобальном рынке капитала. М.: Изд-во Ин-та Гайдара (Научные труды № 171Р). 2016. 164 с.
- Данилов Ю. А.* Современное развитие глобальной научной дискуссии в области финансового развития // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 29–47. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–3–29–47
- Мамонов М., Солнцев О., Ахметов Р., Пестова А., Панкова В., Дешко А.* Поиск оптимальной глубины и структуры финансового сектора с точки зрения экономического роста, макроэкономической и финансовой стабильности // Деньги и кредит. 2018. № 3. С. 89–123. DOI: 10.31477/tjmf.201803.89
- Никишина Е. Н.* Культурный капитал как фактор неопределенности и трансакционных издержек // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 5. С. 3–21.
- Beugelsdijk S., Maseland R.* Culture in economics. Cambridge, Cambridge University press. 2014.
- Beck T., Demirgüç-Kunt A., and Levine R.* Law, Endowments, and Finance // Journal of Financial Economics. 2003. Vol. 70. Issue 2. Pp. 137–181.
- Braguinsky S., Mityakov S.* Foreign corporations and the culture of transparency: evidence from Russian administrative data // Journal of Financial Economics. 2015. Vol. 117. Issue 1. Pp. 139–164. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.02.016
- Čihák M., Demirgüç-Kunt A., Feyen E., Levine R.* Benchmarking Financial Systems around the World // The World Bank Policy Research Working Paper., 2012. № 6175.
- Čihák M., Sahay R.* Finance and Inequality. IMF Staff Discussion Note, SDN/20/01. 2020.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L.* Cultural biases in economic exchange? // Quarterly Journal of Economics. 2009. Vol. 124. Issue 3. Pp. 1095–1131. DOI: 10.1162/qjec.2009.124.3.1095

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. The role of social capital in financial development // *American Economic Review*. 2004. Vol. 94. № 3. Pp. 526–556. DOI: 10.1257/0002828041464498

Guiso L., Sapienza P., Zingales, L. People's opium? Religion and economic attitudes // *Journal of Monetary Economics*. 2003. Vol. 50. Issue 1. Pp. 225–282.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2. № 1. DOI: 10.9707/2307–0919.1014.

Hofstede G. *Culture's Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. Second edition. London, Sage Publication. 2001.

Kwok C., Tadesse S. National culture and financial system. *Journal of International Business Studies*. 2006. Vol. 37. № 2. Pp. 227–247. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8400188

Pevzner M., Xie, F., Xin X. When firms talk, do investors listen? The role of trust in stock market reactions to corporate earnings announcements // *Journal of Financial Economics*. 2015. Vol. 117. Issue 1. Pp. 190–223. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.08.004

Sahay R., Čihák M., N'Diaye P., Barajas A., Bi R., Ayala D., Gao Y., Kyobe A., Nguyen L., Saborowski Ch., Svirydzienka K., Yousefi S.R. Rethinking financial deepening: Stability and growth in emerging markets. IMF Staff Discussion Note, SDN/15/08. 2015.

Stulz R.M., Williamson R. Culture, Openness, and Finance // *Journal of Financial Economics*, 2003. Vol. 70. Issue 3. Pp. 313–349.

Svirydzienka K. Introducing a New Broad-based Index of Financial Development. IMF Working Paper WP/16/5. 2016.

Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*, 2000. Vol. 38. № 3. Pp. 595–613. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-0515%28200009%2938%3A3%3C595%3ATNIETS%3E2.0.CO%3B2-L> (accessed 22.01.2020)

Wolf M. Liberalism will endure but must be renewed. It is a work in progress, not a utopian project // *Financial Times*. 2019. July 2. URL: <https://www.ft.com/content/52dc93d2-9c1f-11e9-9c06-a4640c9feebb> (accessed 29.01.2020).

Zingales L. The “cultural revolution” in finance // *Journal of Financial Economics* 2015. Vol. 117. № 1. Pp. 1–4. DOI: 10.1016/j.jfineco.2015.05.006

Статья поступила 14.02.2020.

Статья принята к публикации 02.06.2020.

Для цитирования: Данилов Ю.А., Пивоваров Д.А. Влияние социокультурных факторов на финансовое развитие // ЭКО. 2021. № 1. С. 93-111. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-93-111.

Summary

Danilov, Yu. A. Cand. Sci. (Econ.), Pivovarov, D. A., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow

The Influence of Sociocultural Factors on Financial Development

Abstract. The work assesses the impact of a number of socio-cultural factors, which are based on Hofstede's variables, on financial development. Using

cross-country analysis, the authors identified three socio-cultural dimensions that have a significant impact on the Financial Development Index, which was used as an integral measure of national financial development: individualism, tolerance (acceptability), and long-term orientation. Based on the results obtained, recommendations were formulated for adjusting the state influence on socio-cultural factors in the Russian Federation. In our opinion, it is necessary to maintain a long-term orientation as an advantage and overcome the lack of tolerance and individualism. Since financial development contributes to economic growth and overcoming inequality, such an adjustment of socio-cultural parameters (in general, extremely inertial) will have a positive effect on the parameters of socio-economic development of Russia in the long term.

Keywords: *financial development; sociocultural factors; socio-economic development; Hofstede variables; financial structure; individualism; indulgence; long-term orientation*

References

- Auzan, A.A. (2017a). Sociocultural economy. *Nauka i innovatsii*. No. 2. Pp. 4–10. (In Russ.).
- Auzan, A.A. (2017b). Path dependence problem and possibilities of its overcoming. *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 10. Pp. 96–105. DOI: 10.20542/0131–2227–2017–61–10–96–105 (In Russ.).
- Auzan, A.A., Nikishina, E.N. (2013). Long-Term Economic Dynamics: The Role of Informal Institutions. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*. No. 4. Pp. 48–57. (In Russ.).
- Beck, T., Demirgüç-Kunt, A., and Levine, R. (2003). Law, Endowments, and Finance. *Journal of Financial Economics*. Vol. 70. Issue 2. Pp. 137–181.
- Beugelsdijk, S., Maseland, R. (2014). *Culture in economics*. Cambridge, Cambridge University press.
- Braguinsky, S., Mityakov, S. (2015). Foreign corporations and the culture of transparency: evidence from Russian administrative data. *Journal of Financial Economics*. Vol. 117. Issue 1, Pp. 139–164. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.02.016
- Čihák, M., Demirgüç-Kunt, A., Feyen, E., Levine, R. (2012). Benchmarking Financial Systems around the World. *The World Bank Policy Research Working Paper*. No. 6175.
- Čihák, M., Sahay, R. (2020). Finance and Inequality. *IMF Staff Discussion Note*, SDN/20/01.
- Danilov, Yu.A. (2016). *Experience in reforming financial markets in countries competing with Russia in the global capital market*. Moscow, Institut Gaidara Publ. (Nauchnye trudy № 171P). 164 p. (In Russ.).
- Danilov, Yu.A. (2019). Modern development of global scientific discussion in the field of financial development. *Voprosy ekonomiki*. No. 3. Pp. 29–47. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–3–29–47 (In Russ.).
- Guiso, L., Sapienza, P., Zingales, L. (2003). People's opium? Religion and economic attitudes. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 50. Issue 1. Pp. 225–282.
- Guiso, L., Sapienza, P., Zingales, L. (2004). The role of social capital in financial development. *American Economic Review*. Vol. 94. No. 3. Pp. 526–556. DOI: 10.1257/0002828041464498

Guiso, L., Sapienza, P., Zingales, L. (2009). Cultural biases in economic exchange? *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 124. Issue 3. Pp. 1095–1131. DOI: 10.1162/qjec.2009.124.3.1095

Hofstede, G. (2001). *Culture's Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. Second edition. London, Sage Publication.

Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*. Vol. 2, No.1. DOI: 10.9707/2307–0919.1014.

Kwok, C., Tadesse, S. (2006). National culture and financial system. *Journal of International Business Studies*. Vol. 37. No. 2. Pp. 227–247. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8400188

Mamonov, M., Akhmetov, R., Pankova, V., Solntsev, O., Pestova, A. and Deshko, A. (2018). Identification of Financial Sector Optimal Depth and Structure from the Perspective of Economic Growth, Macroeconomic and Financial Stability. *Russian Journal of Money and Finance*. Vol. 77. No. 3. Pp. 89–123. DOI: 10.31477/rjmf.201803.89 (In Russ.).

Nikishina, E.N. (2015). Cultural capital as a factor of uncertainty and transaction costs. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. No. 5. Pp. 3–21. (In Russ.).

Pevzner, M., Xie, F., Xin, X. (2015). When firms talk, do investors listen? The role of trust in stock market reactions to corporate earnings announcements. *Journal of Financial Economics*. Vol. 117. Issue 1. Pp. 190–223. DOI: 10.1016/j.jfineco.2013.08.004

Sahay, R., Čihák, M., N'Diaye, P., Barajas, A., Bi R., Ayala, D., Gao, Y., Kyobe, A., Nguyen, L., Saborowski, Ch., Svirydzenka, K., Yousefi, S. R. (2015). Rethinking financial deepening: Stability and growth in emerging markets. *IMF Staff Discussion Note*, SDN/15/08.

Stulz, R.M., Williamson R. (2003). Culture, Openness, and Finance. *Journal of Financial Economics*. Vol. 70. Issue 3. Pp. 313–349.

Svirydzenka, K. (2016). Introducing a New Broad-based Index of Financial Development. *IMF Working Paper* WP/16/5.

Williamson, O.E. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*, Vol. 38. No. 3. Pp. 595–613. Available at: <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-0515%28200009%2938%3A3%3C595%3ATNIETS%3E2.0.CO%3B2-L> (accessed 22.01.2020).

Wolf, M. (2019). Liberalism will endure but must be renewed. It is a work in progress, not a utopian project. *Financial Times*. July 2. Available at: <https://www.ft.com/content/52dc93d2-9c1f-11e9-9c06-a4640c9feebb> (accessed 29.01.2020).

Zingales, L. (2015). The “cultural revolution” in finance. *Journal of Financial Economics*, Vol. 117. No. 1. Pp. 1–4. DOI: 10.1016/j.jfineco.2015.05.006

For citation: Danilov, Yu.A., Pivovarov D.A. (2021). The Influence of Sociocultural Factors on Financial Development. *ECO*. No. 1. Pp. 93-111. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-1-93-111.